

ФАКТОРНАЯ МОДЕЛЬ ОТЦОВСКОЙ ВОВЛЕЧЕННОСТИ

Алина Леонидовна Янак (alinayanak91@yandex.ru)

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

Цитирование: Янак А.Л. (2022) Факторная модель отцовской вовлеченности. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 25(4): 140–176.

<https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.4.6>

Аннотация. Расширение отцовского функционала, вовлечение отцов в присмотр и уход за детьми, их воспитание, мотивацию, решение их проблем, конфликтов и формирование отцовско-детской привязанности составляют основу потребностей современных семей. Постепенное распространение практик вовлеченного отцовства говорит о понимании и принятии данных ориентиров и самими мужчинами. По материалам источников по теме рассматривается эволюция критериев и компонентов (форм проявления, параметров измерения и оценки отцовского участия) модели отцовской вовлеченности. Теоретической основой исследования выступила концепция отцовской вовлеченности, разработанная М. Лэмом, Р. Палковицем, Дж. Плеком и др. Авторы ведут речь об основных первоначальных критериях вовлеченности (взаимодействие, доступность, ответственность) и дополнительных (непрямая забота, ответственность за процесс, отзывчивость и теплота, контроль). Поясняются методологические лакуны, дискуссионные моменты и эмпирические ограничения модели. По результатам контент-анализа и факторного анализа текстов интервью, проведенных автором с мужчинами с родительским опытом, представлена факторная модель отцовской вовлеченности. Факторы как условия, потенциально способствующие отцовской инклюзии, сгруппированы на микро- (социодемографические и социокультурные характеристики, подготовка к отцовству, отношение к детям, моральные ориентиры, отношения с родственными), мезо- (структура семьи и детности, распределение семейных и родительских обязанностей, участие прародителей, супружеские отношения, предразводная и постразводная ситуации) и макро- (родительские объединения и государственная политика в отношении семьи и родительства, организация трудовой занятости, дискурсивные предписания относительно женской и мужской родительских ролей, представления мужчин об идеальном отцовстве) уровнях и рассмотрены во взаимосвязи. Объясняется значение положительных и отрицательных факторов, подчеркивается специфичность российской модели отцовской вовлеченности, обуславливающей в том числе нехватку как точечных, так и комплексных исследований по проблеме.

Ключевые слова: немодальное родительство, отцовская вовлеченность, компоненты отцовской вовлеченности, факторы отцовской вовлеченности, факторная модель.

Диверсификация отцовских практик, происходящая на фоне конвертации субинститутов отцовства и материнства, маскулинности и феминности, нередко сопровождается вариабельностью и различными девиациями родительского поведения. Наблюдается распространение как негативных, так и позитивных немодальных практик (Янак 2021). Примерами первых являются функционально и эмоционально ограниченные или недобросовестные практики, например «воскресного» отцовства, отказного отцовства и материнства, вторых — практики осознанного и эффективного материнства, ответственного отцовства.

В последние десятилетия тема отцовства актуализируется в различных областях: социальных науках, семейной политике, гражданских инициативах, массовой культуре. С социальной точки зрения потребность в интенсификации отцовства во многом обусловлена трудовой мобилизацией женщин и необходимостью перераспределения воспитательной, бытовой и иждивенческой нагрузки работающих матерей (Pleck 1997).

С 1980-х годов американские ученые (М. Лэм, Р. Палковиц, Дж. Плек и др.) разрабатывают концепцию отцовской вовлеченности, моделирование которой эволюционировало от ее определения как простого участия, т.е. общих времязатрат отцовско-детского взаимодействия (без анализа содержания), до понимания именно как положительной родительской активности мужчин в отношении своих детей (Pleck 2010: 61). Основу концептуальной модели составляют компоненты и факторы отцовской вовлеченности (Pleck 1997).

Компоненты отцовской вовлеченности

В первоначальной концепции М. Лэма и Дж. Плека выделялись следующие смыслообразующие компоненты отцовской вовлеченности:

- 1) взаимодействие (прямой контакт с ребенком в форме ухода, игры, совместного досуга и другой деятельности);
- 2) доступность (присутствие отца рядом и потенциальная доступность для прямого взаимодействия в любой момент);
- 3) ответственность (организация ресурсов для заботы о ребенке, релевантная его благополучию).

Основным эмпирическим индикатором вовлеченности выступало время, уделяемое детям, приватной сфере в целом в рабочие и нерабочие дни; соотношение времени, затрачиваемого на работу и семью. В части компонента «взаимодействие» эта версия модели конкретизировалась до оценки набора определенных действий отца в отношении своих детей. Однако вскоре обнаружили недостатки такой методологии: во-первых, в большинстве исследований собирались данные только *о* и *от* взрослых

без учета детских позиций, во-вторых, инструментарий («дневник времени») не предусматривал дифференциацию деятельности отцов в отношении конкретного ребенка в семье, если их было несколько (невозможность определения родительского вклада отцов в развитие каждого из них), в-третьих, критикуется узость концептуализации вовлеченности, предполагается, что она должна включать такие качественные индикаторы, как степень чувствительности и отзывчивости, убеждения отцов, «дробиться» на подмножества видов родительской деятельности (Pleck 2010: 62). Постепенно сформировалась повестка эффективности отцовского участия с акцентом на его положительное влияние на развитие ребенка.

Ответственность многие исследователи интерпретировали только как наблюдение за действиями ребенка и принятие важных решений. М. Лэм уточняет, что она относится не к количеству времени, проведенному с детьми, а к той роли, которую отец играет в удовлетворении их нужд. Она включает в себя нечто большее, чем «помощь», «присмотр», «уход» за ребенком, например подбор и наем нянь, мониторинг состояния здоровья, запись к педиатру и другим врачам, выявление потребности в новой одежде и ее покупка (Pleck 2010: 65; Lamb 2000: 31). Замеры времени, затрачиваемого на мысли о ребенке, тревогу, беспокойство и координацию действий в непредвиденных обстоятельствах, особенно сложны, потому что в эти моменты родитель обычно занят чем-то еще. Важность ответственности резко контрастирует с тем ограниченным вниманием, которое исследователи уделяют когнитивным проявлениям отцовского участия (Marsilio et al. 2000: 277).

Доступность до сих пор остается сложно- и малоизученным компонентом.

Проведенное в 2003 г. С. Хофферт исследование позволило проанализировать участие отцов-резидентов с помощью четырех доменов: 1) время, проведенное с детьми; 2) теплота (например, частота объятий с ребенком, признания в любви); 3) наблюдение и контроль (питания, местонахождения, выполнения домашних заданий, установление границ, правил и их обсуждение с ребенком); 4) ответственность (выполнение отцами восьми задач: купание и смена подгузников, дисциплина, выбор детских занятий, покупка детской одежды, сопровождение на занятия, выбор врача и запись на прием, выбор программы ухода или образовательной организации, игры с ребенком) (Hofferth et al. 2013: 61). В рамках исследования (не)резидентных биологических отцов 2006 г. С. Карлсон охарактеризовала вовлеченность «как единую конструкцию высококачественного участия отца» и отслеживала ее в нарративах детей по семи пунктам: обсуждение важных решений; поддержка ребенка в спорах;

осведомленность о местонахождении, окружении и деятельности ребенка вне дома; участие в важных для ребенка событиях; беседы с ребенком на важные для него темы; обмен мыслями; совместное времяпрепровождение; ощущение близости (Carlson 2006: 142).

Так, к дальнейшему анализу компонента «ответственность» модели М. Лэма и Дж. Плека присоединяются категории «отзывчивость», «теплота» и «контроль» и их количественные измерители — доля вклада отца в реализацию конкретных видов деятельности (игровой, досуговой, помощи в преодолении личных проблем, учебе), частота совместной активности (прогулки, походы в кафе, зоопарк, цирк, музей, путешествия; домашние игры, чтение, беседы наедине). По сути, конструкт отцовской вовлеченности включил в себя элементы авторитетного родительского стиля, означающего проведение времени с детьми, оказание эмоциональной поддержки, помощи в повседневной жизни, наблюдение за поведением детей и дисциплинарное воздействие без принуждения. Различные виды отцовской инклюзии сначала разделялись на «основной» (непосредственный) и «другой» уход за детьми, затем последние переименовались в «интерактивные» или «обогащающие» действия, которые соответствуют активности с положительным эффектом. Также были выделены вспомогательные показатели: *непрямая забота* и *ответственность за процесс*.

Непрямая забота относится к деятельности, осуществляемой для ребенка, но не во взаимодействии с ним, и делится на две подкатегории: 1) материальная косвенная забота (приобретение и организация товаров и услуг для ребенка) и специфический непрямой уход (внимание к здоровью детей, планирование их образования); 2) содействие связям ребенка с обществом, трактуемое А. Дусе как «общественная ответственность» (управленческая/посредническая роль отцов во взаимодействии их детей с окружением, например сверстниками, родственниками, учреждениями). Еще дифференцируются эмоциональная (внимательность и отзывчивость) и моральная (касается идентичности родителей как моральных существ и представлений о должном поведении родителей) ответственность (Doucet 2009:84). Ответственность за процесс — «видение потребностей детей и контроль за их удовлетворением». В большинстве семей отцы плохо понимают, что нужно сделать и не проявляют инициативу, ожидая конкретных просьб и четких указаний от матерей. Примечательно, что для многих пар в принципе характерно идентифицировать участие мужчины в работе по дому и уходу за детьми как «помощь своим женам» (Pleck 2010:61–67).

Критика содержательного наполнения модели была связана с тем, что конструкт вовлеченности включает в себя формы участия, традиционно

воспроизводимые матерями. Поскольку основные черты материнства общепризнаны, можно говорить о консенсусе в определении «хороших матерей», в то время как отцы могут оцениваться как (не)успешные в зависимости от имплицитных представлений субъектов оценки. Анализ качества и степени отцовского участия, как правило, строился исключительно на их пропорциональности материнской заботе. Модель отцовской вовлеченности исключала функцию кормильца и связанные с ней издержки. Финансовое обеспечение не рассматривалось как атрибут фактической заботы, так как «получение дохода еще не означает, что его автоматически потратят на ребенка» (Pleck 2010:86; Lamb 2000:37). А. Дусе отмечает, что вместо доказательства взаимосвязи между заботой и зарабатыванием денег исследователи обычно делают акцент на том, как последнее отвлекает отцов от непосредственного ухода за детьми и воспитания — эти функции воспринимаются скорее как контрастирующие. На фоне активного обсуждения расширения материнских обязанностей за счет роста их материальной включенности, дискурс конфликта семьи и работы в жизни мужчин-родителей проблематизируется редко. Хотя часть работающих отцов сообщают о подобном стрессе. При переходе на гибкий график, неполную занятость, использовании родительского (или больничного, административного) отпуска отцы начинают проводить больше времени со своими детьми (Pleck 1997:91–93). При этом утверждается, что, несмотря на конструируемые гендерные различия между материальным обеспечением и уходом за детьми, эти сферы не так уж дифференцированы: во многих домохозяйствах (особенно с низкими доходами) женщины издавна вносили вклад в семейный бюджет, интенсифицируя работу по дому (например, принимая жильцов, присматривая за чужими детьми, торгуя домашней выпечкой, вязанными/сшитыми вещами, самодельными украшениями), участвуя в семейном бизнесе, выращивая урожай или вовсе работая вне дома за заработную плату, а мужчины так или иначе занимались воспитанием детей (Doucet 2020).

Л. Маркс и Р. Палковиц, учтя указанный недочет, типологизируют отцовство на «хорошее, плохое и незаинтересованное». Минимальное требование к хорошему отцовству — способность прокормить семью, критерий плохого отцовства — неудача даже в качестве кормильца, физическое или психологическое отсутствие, незаинтересованное отцовство характеризуется как свободный, добровольный выбор мужчины вследствие разделения маскулинности и отцовства. Иронично, что по мере увеличения требований к отцовству и роста практик «хорошего отцовства», «само по себе отцовство становится все менее востребованной мужской активностью», требующей больших жертв (Marks, Palkovitz 2004).

При этом «хорошее» или «достаточно хорошее отцовство» (как форма легитимации умеренно расширенного отцовства /Рождественская 2020/) и «вовлеченное отцовство» часто рассматриваются как неотделимые или тождественные категории.

В конечном счете Дж. Плек предложил модернизированную концепцию отцовской вовлеченности, сочетающую: 1) активные действия — взаимодействие с ребенком, способствующее его позитивному развитию; 2) теплоту и отзывчивость; 3) контроль (мониторинг и принятие решений как две вспомогательные области); 4) непрямой уход; 5) ответственность за процесс (Pleck 2010: 67).

В отечественном социологическом дискурсе отцовская вовлеченность как специальный предмет исследования находится на стадии проблематизации и представлена буквально несколькими работами (Авдеева 2012; Подкладова 2016; Рождественская 2020; Чернова 2018; Янак 2018; Lirasova 2016). Нехватка исследований и данных по проблеме связана с тем, что, несмотря на постепенную, точечную эгалитаризацию российской семьи, доминирующей остается модель традиционного, «дефицитного» отцовства с узким ролевым репертуаром, воспроизводством идеи кормильца (Lirasova 2016; Рождественская 2020; Чернова 2018). Заботливый и доступный папа как активный социализирующий агент — желаемая, но пока немодальная практика с малопонятным интерфейсом, доступным преимущественно для молодых и образованных представителей среднего класса.

К факторам, тормозящим изучение отцовской вовлеченности в России, можно отнести неоднозначность ее понимания и эмпирических индикаторов (Борисова 2017), ее несоответствие привычным стандартам заботы, неоправданный отказ от понимания родительства как труда или его низкостатусность в индивидуальном восприятии и на публичной арене (Багирова, Бледнова 2021), гендерный порядок и стереотипы в сфере распределения родительских обязанностей (тесная связь между мужской и финансовым обеспечением, социально навязанный престиж властной составляющей отцовско-детских отношений по сравнению с воспитанием и уходом /Подкладова 2016/), недооцененность родительского вклада отцов, различия в его оценках женщин и мужчин (Charles et al. 2018), непропорциональность и несопоставимость повседневных временных издержек на материнство и отцовство.

Так, сравнивая индивидуальные и страновые детерминанты отцовской вовлеченности, О.Н. Борисова рассматривает ее как количество времени, которое мужчины тратят на детей. Автор признает ограниченность такой формулировки и отсутствие качественных переменных в материалах исследования. Кроме того, в анализ не вошли данные по России (Борисова

2017: 263). Исследование при участии А.В. Авдеевой было проведено с опорой на первоначальный вариант концепции вовлеченности. Ученые рассматривали вовлеченное отцовство по аналогии с бизнес-проектом, поскольку оно также сталкивается с необходимостью стратегического планирования, тайм-менеджмента, ориентировано на распределение полномочий, зон ответственности, оптимизацию задач и эффективное достижение определенных результатов. Однако автор признает данную метафору «недостаточно емкой, т.к. она не включает в себя эмоциональную составляющую отцовства», а выборку информантов ($n=16$) — несколько сжатой (Авдеева 2012). А.Н. Липасова предприняла попытку количественного (вторичный анализ данных) и качественного (интервью, $n=23$) исследования моделей отцовства в России, одна из которых — вовлеченный отец (Lipasova 2016). Материалы касаются представителей среднего класса и не специфицируют отцовское участие в разных семейных структурах. В рамках исследования мужских родительских блогов Ж.В. Чернова операционализирует вовлеченное («хорошее») отцовство через участие отцов в родах и предродовых курсах с супругой, использование отпуска по уходу за ребенком, равное разделение домашних обязанностей с супругой, продолжительное времяпрепровождение с детьми, наличие различных по роду деятельности активностей. Автор указывает, что российский контекст формирования рассматриваемой модели имеет свою специфику и ограничения (структурные, дискурсивные и гендерные) (Чернова 2018). Компоненты (индикаторы) отцовской вовлеченности в целом чаще рассматриваются российскими авторами, в то время как факторы пока изучаются фрагментарно.

Данная статья содержит результаты авторского исследования отцовской вовлеченности в разных типах семей. Эмпирическую базу составили глубинные интервью с мужчинами-родителями в возрасте от 24 до 57 лет ($n=46$), проведенные автором в 2013–2018 гг. Информантами выступили 7 отцов — представителей традиционной семейной структуры (первобрачная полная семья), 8 одиноких отцов (как из нуклеарных, так и расширенных семей), 9 отцов/отчимов из повторных/сводных семей, 14 отцов-нерезидентов, 8 отцов/отчимов, воспитывающих детей в сожительствах. Результаты интервью позволили выявить факторы отцовской вовлеченности, отражающие специфику российской модели. Данные обработаны при помощи программного пакета ЛЕКТА, осуществляющего контент-анализ документов. Словарь (набор слов и словосочетаний), отражающих микросюжеты, связанные с проявлением отцовства, компонентами отцовской вовлеченности, предполагаемыми факторами ее активизации или ограничения) контент-анализа, выделенный из первоначального массива

лексем ($n > 96\ 000$), составил 161 единицу. Для выявления коррелирующих семантических цепочек и фрагментов интервью в этой же программе произведен факторный анализ, в результате которого получено оптимальное для адекватной систематизации тематического разнообразия число факторов — 32. Объясняющая способность модели релевантна и составляет 38 %. Выделены микро-, мезо- и макроуровни и условные названия факторов отцовской вовлеченности. Получены факторы с положительной и отрицательной нагрузкой, а также поляризованные факторы. Факторы с отрицательной нагрузкой означают либо негативное влияние на качество и/или уровень отцовской вовлеченности, либо отсутствие значимой их корреляции с формированием и/или интенсификацией вовлеченности. В описании факторов мы пренебрегли отдельными семантическими единицами, имевшими незначительную нагрузку. Представленные материалы конкретизируют и существенно расширяют опубликованные ранее предварительные результаты авторского исследования (Янак 2018).

Факторы отцовской вовлеченности

Исследовательские гипотезы включают следующие положения: 1) микро- и макроуровни факторов потенциально оказывают большее воздействие на формирование вовлеченности российских отцов, в то время как мезоуровень — на ее развитие, интенсивность и качество; 2) внутренняя (психологическая) готовность к отцовству релевантна степени вовлеченности и более значима, чем экономическая, жилищная или образовательная; 3) структурный тип семьи в значительной степени определяет отцовскую вовлеченность.

Макроуровень детерминант вовлеченности подразумевает индивидуальные показатели отцовства. Среди них различные социодемографические и социокультурные характеристики отцов, степень их внутренней субъективной готовности к отцовству, отношение мужчин к детям в целом, моральные императивы и отношения с родными (табл. 1).

Социодемографические и социокультурные характеристики являются единственным фактором с положительной нагрузкой в группе микрофакторов. Это объясняется тем, что, с одной стороны, это базовые сведения, которые обсуждались в каждом интервью, с другой — именно биографические характеристики служат отправной точкой и фоном для формирования и воспроизводства тех или иных убеждений, ориентаций и идентичностей.

Как показывает Дж. Плек, на мотивацию отцовского участия действительно влияет родительская идентичность, интерпретируемая как «самостоятельность, связанная со статусом и соответствующими ролями

Таблица 1

Микроуровень факторов отцовской вовлеченности

Фактор	Факторная нагрузка	Лексемы
Социодемографические и социокультурные характеристики	0,787	Сфера деятельности
	0,766	Образование
	0,676	Возраст
	0,505	Брат
	0,455	Семья
	0,424	Сестра
	0,299	Родители
Подготовка к родительству	-0,614	Беременность
	-0,527	Планировать
	-0,516	Роды
	-0,287	Готовность
	-0,287	Ребенок
	-0,258	Опыт
Отношение к детям	-0,531	Радость
	-0,501	Вечером
	-0,272	Инициатива
	-0,263	Маленький
	-0,175	Любовь
Моральные ориентиры	-0,546	Бог
	-0,48	Уважение
	-0,45	Мораль
Отношения с родителями/ родственниками	-0,499	Папа
	-0,342	Мама
	0,239	Родственники

родителя», интеграцией личной биографии, личностных характеристик и убеждений. Убеждения — представления о том, что «должно быть или является правдой об отцах (отцовстве) в целом». Отсюда идентичность означает также самовосприятие в роли отца, общий уровень жизненной адаптации (успешное решение повседневных и профессиональных задач, нормальные отношения с партнершей и собственными родителями, семейное и личное благополучие), родительской осознанности и компетентности, когнитивной зрелости, удовлетворенности отцовством (Pleck 1997: 83–84). При этом отношение к отцовству сопряжено с его ценностно-смысловым наполнением, определяющим «реализацию внешней (опера-

циональной) характеристики стратегии отцовства» (Борисенко 2018: 24). Набор ролей, норм и ценностей, относящихся к заботе о детях и их воспитанию, формируют идеологию родительства (Чернова 2018: 12).

По материалам наших интервью к основным биографическим социодемографическим и социокультурным характеристикам относятся сфера деятельности, образование, возраст и информация о родительской семье. Семантическая единица «сфера деятельности» обладает самой высокой факторной нагрузкой, поскольку от наличия, сферы и престижа профессиональной занятости зависит уровень дохода отца и семьи в целом. От отца ожидается способность зарабатывать деньги и обеспечивать семью. Многие мужчины предъявляют к себе в первую очередь именно это требование, порой ограничивая его выполнением свой вклад в функционирование домохозяйства и заботу о детях.

Сфера деятельности оказывается более важным аспектом, чем уровень образования, потому что она определяет не только качество реализации социальной практики «кормильца», но и соотношение работы и присутствия дома, а значит потенциального и реального участия в жизни детей, распределении бытовой нагрузки. При этом сегодня не столько образование (уровень, специализация), сколько именно сфера деятельности в конечном итоге определяет публичный статус мужчины.

Детям свойственно имитировать или компенсировать паттерны семейного поведения своих родителей, даже воспроизводить детскую структуру семьи, в которой они выросли. Информанты, имеющие сиблингов и поддерживающие с ними хорошие отношения, нередко опираются и на их родительский пример.

Я сам, наверное, хочу <второго ребенка>, поскольку, как правило, один ребенок в семье, я думаю, что неправильно. Опять же у нас в семье, что у моих родителей, что у родителей супруги, по двое детей (30 лет, воспитывает дочь в полной первобрачной семье).

Брат был для меня во всем примером. Я и сейчас в трудных ситуациях прошу совета и помощи у него (38 лет, самостоятельно воспитывает сына после развода).

Вопреки нашим ожиданиям, совместное планирование беременности не относится к ведущим факторам родительской готовности и автоматического вовлечения в заботу о ребенке. Гораздо важнее наличие интереса и допуск к занятиям с новорожденным, санкционированный и поддержанный матерью. Не зря лексема «опыт» в факторе больше остальных

«стремится» к положительному регистру. Детальный разбор интервью также дал еще одно объяснение — мужчины связывают готовность к родительству скорее с возрастом (чем старше, тем осознаннее) и наличием экономических условий для содержания семьи.

Я просто считаю, что, чем взрослее человек, тем больше он может дать ребенку, потому что он сам гораздо опытнее, нежели мамы и папы в 20 лет, например. <...> Он <ребенок> желанный, он прям нужен (М., впервые стал отцом в 29 лет, воспитывает сына в полной первобрачной семье).

Да, это желаемый ребенок, планировали, потому что опять-таки каждый строит семью по такому принципу: не просто надо, и все, а чтобы было что-то, то есть чтобы достаток был в семье, чтобы как-то обеспечить с тем условием, что она, супруга, будет сидеть с ребенком, чтобы им всего хватало. Поэтому мы шли осознанно к этому (30 лет, воспитывает дочь в полной первобрачной семье).

Эти аргументы согласуются с тезисом зарубежных авторов о том, что вовлеченность как модальный паттерн присущ только для «поздних» отцов (в возрасте от 30 лет и старше) (Pleck 1997: 81).

Отношение к детям в целом, демонстрация (возможно, порой напускная) эмоциональной привязанности также не детерминируют вовлеченность. Некоторым разведенным отцам ничто не мешает любить детей «на расстоянии» и «сквозь года», смирившись с блокировкой контактов со стороны бывшей супруги.

Я старался воспитывать Машу <дочь>... мы с ней всегда играли. Она всегда ждала меня с работы, звонила мне в шесть часов вечера... и спрашивала: «Папа, а ты уже вышел домой?» <...> Она встречала меня у порога, обнимала... Очень теплые воспоминания (41 год, разведен, не общается с дочерью уже 9 лет).

Фактор, связанный с моральными ориентирами, также оказался отрицательным. Упоминание о Боге, как правило, являлось ситуативным, не связанным с истинной религиозностью. В одной из семей венчание брака не убергло от развода и категорического запрета бывшей супруги на контакты отца с ребенком. Некоторые мужчины высказывали мысль о трансформации и вторичности моральных норм как части ценностных установок.

Устои меняются, ценности меняются... у людей обязанностей стало меньше каких-то вот таких в моральном плане (51 год, воспитывает пасынка и дочь в повторном браке, общается со взрослыми детьми от предыдущего союза).

Вообще, профилактику здоровой семьи... надо начинать с каких-то материальных уже основ. Вот именно не с моральных, как сейчас у нас... Что кушать-то люди будут? (25 лет, имеет короткий опыт воспитания ребенка партнерши в сожительстве).

В факторе, описывающем отношения с родными, речь идет о родителях (бывшей) супруги/партнерши и родственниках информанта. Отсюда поляризованность фактора: прослеживается негативная характеристика взаимодействия с тещей и тестем, но положительная — со своими родными, в том числе сиблингами. Критика, различные формы давления на дочь или внуков, иное вмешательство родителей жены во внутрисемейные, супружеские отношения вызывают отторжение и болезненную реакцию мужчин. Нередко напряженные или конфликтные отношения не лучшим образом влияют на отцовство-детское взаимодействие.

Через месяц у нас дома начала появляться ее <супруги> мама. Сначала на полдня, потом уже по 12 часов в день помогала с ребенком. <...> Атмосфера в доме начала накаляться. Из-за постоянного присутствия тещи начались скандалы, я начал срываться, нередко мог сказать лишнее... Мне начали намекать, что я тут не хозяин. За спиной меня начали обливать грязью, науськивать на меня жену по любому поводу. <...> В какой-то момент я не выдержал и уехал к родителям (41 год, воспитывает пасынка и дочь в повторном браке, общается с ребенком от первого союза).

Группа мезофакторов, включающих различные параметры семьи (отношения в супружеской и родительско-детской диадах, распределение обязанностей), самая многочисленная и разнообразная (табл. 2).

Наиболее значимой сферой вовлеченности отцов является финансово-распределительная. Фактор, связанный с самоидентификацией мужчины в роли добытчика и снабженца, отвечающего за распределение бюджета и удовлетворяющего потребительские запросы детей и семьи, несет положительную нагрузку. Экономическая состоятельность, очевидно, расценивается мужчинами как элемент превосходства и самоутверждения в семье. Поэтому попытки споров относительно семейного бюджета видятся нецелесообразными и нивелируются.

Таблица 2

Мезофакторы отцовской вовлеченности

	Фактор	Факторная нагрузка	Лексемы
Распределение обязанностей между супругами	Бытовая функция	-0,87	Помогать
		-0,858	Выручать
		-0,356	Быт
	Досуговая функция	-0,789	Свободное время
		-0,749	Свобода
		-0,481	Время
		0,238	Игры
Властные отношения	-0,711	Спор	
	-0,615	Повод	
	-0,46	Обсуждение	
	-0,445	Обязанности	
Функция контроля	-0,429	Бюджет	
	-0,31	Важный	
Распределение бюджета	-0,531	Интернет	
	-0,558	Контроль	
	0,623	Деньги	
	0,546	Платежи	
	0,50	Зарабатывать	
Участие прародителей в семейных функциях	0,321	Покупки	
	0,229	Просьбы	
	-0,74	Бабушка	
	-0,687	Дедушка	
	-0,289	Внуки	
Развитие супружеских отношений (1)	-0,285	Контактировать	
	-0,281	В гости	
	-0,491	Общение	
Супружеские/ партнерские отношения	Развитие супружеских отношений (2)	-0,462	Знакомство
		-0,432	Встречи
		-0,467	Свадьба
	Супружеские скрепы	-0,351	Друзья
		-0,349	Молодость
		-0,197	Окружающие
		0,734	Отношения
		0,596	Наши отношения
		0,349	Брак
0,33	Доверие		
0,254	Вместе		
0,21	Ладить		
-0,206	Интерес		

Продолжение табл. 2

	Фактор	Факторная нагрузка	Лексемы
Взаимодействие с детьми	Детная структура	0,638	Младший
		0,567	Старший
		0,518	Дочь
		0,292	Детский сад
	Образовательная мотивация детей	0,633	ВУЗ
		0,53	Учеба
0,442		Класс	
Гендерные аспекты воспитания	0,273	Будущий	
	-0,535	Сын	
	-0,503	Мальчик	
	-0,355	Девочка	
	-0,316	Взрослый	
Пунитивные воспитательные практики	-0,313	Воспитание	
	-0,187	Родство	
	-0,185	Пример	
Школьная жизнь детей	-0,559	Строгость	
	-0,555	Наказание	
	-0,711	Школа	
	-0,464	Уроки	
Развод и постразводная ситуация	Оценка развода	-0,451	Собрания
		-0,25	(От)водить
		-0,638	Развод
		-0,636	Разлука
		-0,381	Взгляды
		-0,321	(Не)понимание
		-0,285	Жалеть
	-0,26	Муж	
	-0,257	Момент	
	-0,210	Ссоры	
Переживание постразводной ситуации	-0,578	Поддержка	
	-0,404	Переживание	
	-0,38	Ситуация	
	-0,328	Трудности	
	-0,309	Забота	
	-0,261	Правильный	
-0,221	Обида		

Окончание табл. 2

	Фактор	Факторная нагрузка	Лексемы
Причины развода		-0,323	Внимание
		0,436	Вмешательство
		0,385	Дети
		0,369	Жалобы
		0,249	Предыдущие отношения
		0,248	Алкоголь
Процесс и последствия развода		0,427	Алименты
		0,465	Достижь
		0,542	Договариваться
		0,586	Суд
Контакты с детьми после развода (1)		-0,217	Счастье
		0,419	Досуг
		0,404	Проблемы
		0,353	Прогулки
		0,232	Конфликты
		0,214	Запрет
Контакты с детьми после развода (2)		-0,638	День
		-0,489	Звонки
		-0,439	Неделя
		-0,385	Подарки
		-0,313	Видеться
Оценка бывшей супруги		-0,656	Бывшая жена
		-0,532	Жена
		-0,37	Супруга
Отношения в новом союзе		0,646	Жизнь
		0,583	Квартира
		0,415	Новая семья

Сверхважные вопросы должен решать именно мужчина (41 год, воспитывает пасынка и дочь в повторном браке, общается с ребенком от первого союза).

Ревностное отношение к властному статусу в семье и приверженность традиционному гендерному распределению домашних обязанностей делают помощь по хозяйству для большинства мужчин нежелательной — данный фактор обладает самой высокой отрицательной нагрузкой. Вовлеченность в бытовые вопросы и заботу о детях порой являются взаимоисключающими.

Она <супруга> женщина, в ее обязанностях дом. <...> То есть, ее доход меньше, у нее нет возможности зарабатывать какие-то деньги на стороне, поэтому мы пришли к моменту, что ей все-таки придется тратить личное время именно на детей и на дом, а мне придется больше работать. <...> Независимо ни от каких обстоятельств, она выполняет в принципе в полной мере свои домашние обязанности. Она не всегда все успевает, но по мере возможности я ей помогаю. Все, что связано с обслуживанием серьезным... выполнять приходится, конечно, мне. <...> Помыть посуду, приготовить обед, вымыть пол я не считаю, что это должен делать мужчина. <...> В целом она пытается навязать мне <уход за детьми>... Но поскольку это девочки, я считаю, что этим должна заниматься непосредственно мама (34 года, полная первобрачная семья, двое дочерей).

Роль «надзирателя» или «плохого полицейского» отцы вряд ли считают референтной, многие без особого энтузиазма выполняют или избегают выполнение функции контроля.

Ира <супруга> всегда хотела его <сына> больше контролировать, она у нас строгая мама. <...> Пока был мелким, чуть ли не отличником был... потом перешли в другую школу, когда переехали. Там физмат класс в старшей школе. Ну, так, тройки, четверки, иногда и двойки. Мама у нас, конечно, была не в восторге. <...> А я че? Я считаю, что для пацана это нормально (41 год, воспитывает сына в длительном сожительстве).

Фактор досуга также обладает отрицательной нагрузкой, видимо ввиду различных обстоятельств, сокращающих данную форму взаимодействия с детьми: отсутствие временных и материальных возможностей для качественного времяпрепровождения, раздельное проживание после развода, реализация подростками/взрослыми детьми альтернативных по отношению к семейным досуговых практик.

Помощь в подготовке уроков, посещение родительских собраний также не вызывают энтузиазма со стороны отцов. Представительство семьи в школе мужчины считают скорее зоной ответственности матерей. Сопровождение детей до школы либо ограничено рабочим графиком, раздельным проживанием, либо уже не требуется. Однако участие в стимулировании обучения, контроле успеваемости детей, обсуждении их образовательного и профессионального будущего для отцов более охотно и предпочтительно.

Ну, насчет уроков, делал с ним раза два... Он такой неусидчивый, что мне нервов не хватало (50 лет, воспитывает пасынка в повторном браке).

Был пару раз <на родительских собраниях>. <...> По школе — это Ленка <супруга>. Она в родительском комитете у старшей <дочери> в классе (36 лет, полная первобрачная семья, двое детей).

Сейчас он <пасынок> учится в ПТУ. <...> Когда у меня гражданская жена пошла на собрание, мастер сказал: «Если он будет продолжать так дальше, я его выдвину на красный диплом». Ну, пока ему все нравится. <...> Я ему объяснил: «Если ты проявишь себя, будешь учиться, заниматься, относиться ко всему ответственно, и тебя заметят, твое будущее... Ты свое будущее уже сделаешь сам. А если ты будешь учиться так же, как в школе, спустя рукава... значит, прямая дорога тебе продавцом сотовых телефонов, работником ЖЭКа... Ну, низкооплачиваемой работы» (35 лет, воспитывает пасынка и дочь в сожительствах, общается с дочерью от предыдущего союза).

Участие прародителей (обычно бабушек по материнской линии) в заботе о внуках и домохозяйстве, тем более интенсивное, может квалифицироваться как компенсирующий, замещающий и поэтому демотивирующий отцовскую активность фактор. Лишь в отдельных случаях признается катализирующая роль родителей в содействии отцовскому вовлечению.

Мои <родители> пытались подсказывать, ругали меня, что должного внимания не уделяю <старшей дочери>, пытались восполнить. Может быть, их мораль немного помогла более или менее вставить на путь истинный (46 лет, двое дочерей от разных браков).

Если этапы развития отношений с партнершей/супругой не коррелируют с уровнем и качеством отцовской вовлеченности, то позитивный, доверительный характер супружеского взаимодействия, умение ладить на этапе перехода к родительству, напротив, могут быть значимыми предикторами родительского альянса.

Материалы исследования подтверждают, что распад семьи является фактором снижения качества вовлеченности или ее минимизации, вплоть до полной эксклюзии отца. Большинство факторов, связанных с разводом, предразводной и постразводной ситуацией, ожидаемо имеют отрицатель-

ный регистр. Развод и разлука с детьми поначалу дезориентируют отцов, могут вызывать сожаления, пересмотр предоставлений о семье. Одни мужчины признают, что их поведение послужило причиной разрушения отношений, другие склонны во всем винить ссоры, недопонимание и разность взглядов в отношениях с женой, третьи полностью перекладывают ответственность за произошедшее на нее. Это становится оправданием редких контактов с ребенком.

Сейчас я понимаю, что много я ему не додал... Но... Невозможно, к сожалению. Хотелось как-то больше ему давать, и времени отдавать. Но мне очень не хотелось нажимать на него. Вот, бывшая жена, ей родители определили путь (42 года, разведен, общается с сыном от первого брака, воспитывает пасынка в повторном союзе).

Какое-то время <после развода> я приезжал, он <сын> скучал. Потом все это как-то ушло... Ввиду того, что работы больше стало... общаться стали как-то меньше и меньше. И не знаю, под давлением, или не под давлением, мнением их родственников, сложилось так, что «это я их бросил, это я от них уехал», и поэтому он на меня обижен до сих пор. <...> Он со мной общения не ищет. И я, собственно говоря, тоже не ищу, он взрослый человек, вырастет — поймет. (46 лет, воспитывает падчерицу и дочь в новом союзе).

Она <жена> оказалась просто не приспособленной к семейной жизни. Капризы, упреки. Избалованная, в общем. <...> Развод был единственным нормальным выходом из сложившейся ситуации. Надели постоянные разногласия, ссоры (33 года, разведен, примерно раз в месяц видится с дочерью, хотя отмечает, что мать не препятствует их общению).

К претензиям, связанным со злоупотреблением алкоголем, жалобами бывшей супруги на скромное участие в жизни детей, отцы относятся с большим пиететом. Недостаток уделяемого семье внимания в качестве значимой проблемы и повода для развода, напротив, мужчинами не рассматривается и объясняется загруженностью на работе.

Развод информантами, как правило, описывается как тяжелое решение и испытание, хотя порой правильное и безальтернативное. Тема развода была неприятной для многих мужчин, фрустрирующих из-за недополучения поддержки со стороны окружающих. Причем в нарративах выделяются две основные сюжетные линии, связанные с постразводными

эмоциональными потрясениями: 1) собственная депривация, переживания и способы совладания с ними; 2) детские душевные травмы, вызванные разводом/расставанием родителей.

Ну, тяжело переживал. Пару лет даже пытался ее <бывшую жену> вернуть, я ее любил. Ну, и запои бывали, хотел забыться... Мне сначала было, конечно, одиноко... Когда девчонки у меня ночевали, я был рад: просыпаешься — кто-то посапывает, сразу становится так спокойно (55 лет, инициатором развода стала бывшая супруга).

Я уверен, что у Вани <пасынка> есть травма по поводу того, что я не родной отец. Он ее по-своему переживает, я это вижу (42 года, воспитывает сына от предыдущего союза супруги, биологический отец поддерживает контакт с мальчиком).

Материалы авторских интервью относительно отцовского участия после развода в целом релевантны результатам других исследований (Безрукова, Самойлова 2020; Иванова 2017; Шевченко 2015). Оно может быть вариативным: зачастую вовлеченность объективно снижается или трансформируется из-за раздельного проживания, в некоторых случаях отцы борются за право воспитания ребенка или беспрепятственные контакты с ним, в других — удается достичь договоренностей, в третьих — отцы мирятся с материнскими запретами или вовсе избегают родительства.

По сути, я папа «как смогу». Мне никто не запрещает приезжать, когда я захочу. Как появляется свободное время или целые выходные, стараюсь проводить их с Алисой <дочкой> (31 год, воспитывает дочь после развода).

Да, у нас мальчик, с которым не дают вообще никак общаться. <... Она <бывшая жена> писала заявления в милицию <когда отец пытался забирать сына из садика>, это все приходило на работу. Ну, и мне уже начальник сказал... для работы это очень плохо. <...> Я хотел выбить часы через суд. Один адвокат... мне сказал: «Ты ничего не выиграешь». Я говорю: «Почему?». Он объяснил мне так: «Ты родительских прав не лишен, и когда он будет постарше, ты можешь прийти в любое для тебя <время>... Так как ты военный... зачастую будет получать так: когда твои часы — ты будешь на службе, когда ты свободен — у тебя нет этих часов» (33 года, воспитывает сына в новом браке, отстранен от общения с ребенком от предыдущего союза).

С тех пор как она <бывшая жена> ушла с детьми, я почти их не вижу. Не так давно я начал планировать иск в суд о направлении ее на экспертизу. Суд пока не принял официально решение, но фактически он принял нашу сторону. Она <бывшая жена> понять не может, что мы добиваемся не лишения ее материнства, а чтобы ее обследовали, полечили. <...> Я же детей спасти хочу! <...> Астма у них, которая, я уверен, пройдет быстро, если психологические проблемы снять, оградить от стресса, обеспечить покой, прогулки, назначенное врачами лечение и т.д., дать им нормальные условия для жизни, учебы (57 лет, борется за детей после второго развода, общается со взрослым сыном от первого брака).

Базовая и самая распространенная форма договоренностей с бывшей супругой касается выплаты алиментов. В некоторых случаях они являются гарантией встреч с ребенком, надежным способом сохранения присутствия отца в его жизни.

Она <бывшая супруга> подавала в суд, они присвоили алименты, но зарплата-то была в основном неофициальная, а с неофициальной зарплаты-то что там, вообще копейки... Я пошел с ней договорился просто: «Я тебе буду больше платить, но ты заведи заявление, анкету». В итоге всех все устроило. <...> Он звонил: «Пап, когда денежку принесешь?» (50 лет, воспитывает пасынка в повторном браке, общается с сыном от предыдущего союза).

Среди доступных и активно используемых отцами форм взаимодействия с детьми после развода являются совместное времяпрепровождение, участие в решении их проблем, помощь в урегулировании конфликтов.

Раз, звонок в неочное время — ага, что-то случилось. Но папа пожалеет, папа успокоит. «Ой, я с мамой поругалась, вот она меня тут это...». Ну все, поговоришь с ней... Бывает, они до такой степени там ругаются: «Пап, приходи». Все бросаю, иду (43 года, дважды разведен, общается с обоими детьми от разных браков).

Два-три раза в месяц, я заезжаю за ребенком в свободное от работы время. Ходим гулять, в цирк, батутный парк. Пару раз в неделю созваниваемся (32 года, разведен, поддерживает отношения с сыном).

Ну, вот она <дочь от первого брака> ходит на плавание. Она просит, чтобы я с ней ходил, чтобы я за ней смотрел. На каток

мы с ней ходим вместе, катаемся, то есть на коньках с удовольствием, в ледовый дворец (35 лет, воспитывает пасынка и дочь в сожительстве, общается с дочерью от предыдущего союза).

Взаимодействие с бывшей супругой и отношение к ней могут служить маркером качества отцовской вовлеченности. Если мужчина характеризует бракоразводный процесс как цивилизованный, адекватно оценивает его причины, личные и материнские качества бывшей жены, отзывается о ней с уважением, то запреты на продолжение отцовской роли отсутствуют, оба родителя осознают важность отцовско-детского общения, матери задействуют отцов в присмотре за детьми, отпускают их к папам с ночевкой.

Причем мать она очень хорошая. <...> К ней претензий практически нет. И заботливая, и внимательная... Очень помогает ребенку в учебе (43 года, дважды разведен, общается с обоими детьми от разных браков).

Тем не менее предразводные отношения часто отличаются высокой конфликтностью, переходом на личности, развод приобретает негативную эмоциональную окраску, и это может спровоцировать жесткую цензуру отцовско-детских контактов со стороны матери.

Образование и актуальное состояние повторнобрачной семьи описываются мужчинами как новый положительный этап в жизни. В этом союзе мужчина может существенно расширить свой ролевой отцовский репертуар, становясь отчимом для ребенка партнерши от предыдущих отношений, или учесть прошлые ошибки и использовать шанс стать хорошим папой для ребенка, рожденного в этих новых отношениях.

Так как-то незаметно, все ближе и ближе, потому что парень такой контактный и коммуникабельный, и все, нормально сошлись... Ну, он <пасынок> меня отцом зовет, так что это вообще не обсуждается, я считаю. Для меня он — сын, я для него — отец, а родство по крови, я думаю, в этом случае неважно (51 год, воспитывает пасынка и дочь в повторном браке, общается с двумя взрослыми детьми от предыдущего союза).

Однако при наличии контактов ребенка с родным папой, «номинальные» отцы могут заведомо ставить себя в позицию второстепенного члена семьи, наблюдателя. Бывают случаи, когда отчим становится

пасынку или падчерице отцом больше, чем собственному ребенку, живущему отдельно (в зависимости от длительности разделения, наличия и уровня цензуры отцовско-детских контактов со стороны матери).

Он неродной. У него есть свой отец. С отцом, может быть, он откровеннее, чем со мной. Я не знаю, как он с ним общается. Если я должен ему помочь, я ему никогда не откажу. Только если он обратится... Да, я могу ему сказать: «А не хотел ли бы ты...». Но я знаю ответ — «не хотел бы», потому что у него есть свой отец, мама. А я ему кто? Никто (35 лет, воспитывает пасынка и дочь в сожительстве, общается с дочерью от предыдущего союза).

Важными параметрами, влияющими на отцовскую вовлеченность, выступают структура и состав детности, воспитательные траектории и предпочтительные формы взаимодействия с детьми. По некоторым данным, отцы больше привязаны к первенцам, чем к последующим детям (Pleck 1997: 76). Однако наше исследование это опровергает. Рождение второго и последующих детей, во-первых, как правило, является более осознанным и мотивированным, во-вторых, может осуществляться в актуальных (повторных) любовных отношениях, в-третьих, предотвратить переход семьи в цикл «пустого гнезда» (витальная потребность в продолжении/возобновлении родительства в условиях отделения повзрослевших детей), в-четвертых, служить стимулом для исправления ошибок «первого» родительства, в-пятых, зависеть от индивидуальных характеристик детей.

Младшенькая она же всегда самая-самая! (51 год, воспитывает пасынка и дочь в повторном браке, общается с двумя взрослыми детьми от предыдущего союза).

Второго <ребенка> я не хотел, жена настаивала... Но я не пожалел! Тем более сын. Я с самого начала сына хотел... Просто с парнем как-то ближе, проще что ли... С сыном общаемся лучше, он в меня характером (36 лет, воспитывает детей в полной первобрачной семье).

В отношении <рождения>, допустим, дочка маленькой, это еще и решение было такое, что дети растут, а мы рано поженились (мы с Наташей поженились — мне 19, ей 18 было), поэтому не хотели в 45–48 лет оставаться одни. Мы всю жизнь жили для детей, поэтому если не дети, то внуки, а посмотрев на наших старших, которые...

занимаются магистратурами, своими делами... Когда дети рождаются в 19 лет — это одно отношение, когда она рождается в 40 — это уже абсолютно другое (44 года, отец четверых детей, младшей дочери 4 года).

Более ранние исследования неоднократно подтверждали, что отцы больше занимаются сыновьями, чем дочерьми (Pleck 1997:75–76). Согласно результатам факторного анализа, многие мужчины предполагают или осознают различия в воспитании мальчиков и девочек, рассказывают об изначальных предпочтениях (кого больше ждали/хотели), возрастных особенностях детей, рассуждают об отношениях с неродными детьми (пасынками/падчерицами). Однако отцовская вовлеченность не имеет прямой зависимости от этих переменных.

Таблица 3

Макроуровень факторов отцовской вовлеченности

Фактор	Факторная нагрузка	Лексемы
Родительские (отцовские) объединения	0,673	НКО
	0,522	Активный
	0,519	Совет
	0,516	Город
	0,314	Мероприятия
	0,284	Одиночество
Трудовая занятость	0,621	График
	0,491	Работа
	0,411	Доход
	0,364	Выходные
Семейная и социальная политики	0,591	Социальная поддержка
	0,536	Материальный
	0,448	Государство
	0,431	Семья
Социальные представления о семейных ролях женщин и мужчин	-0,706	Женщина
	-0,619	Мужчина
	-0,49	Общество
	-0,384	Ответственность
	-0,267	Осознанный
Представления мужчин об идеальном отцовстве	-0,638	Идеальный
	-0,612	Успех
	-0,522	Отец
	-0,476	Должное

Макроуровень представлен институциональными факторами: профессиональная занятость отцов и матерей, государственная семейная политика, социальные нормы в отношении семейных ролей мужчины и женщины, представления об идеальном (успешном) отцовстве (табл. 3).

В исследовании принял участие руководитель региональной отцовской организации. Он полагает, что отцовские гражданские сообщества являются инновационной формой трансляции родительских интересов, дополнительным каналом самореализации, социальной активности мужчин (места «мужской силы») и одним из источников мотивации ответственного, вовлеченного отцовства.

Мы являемся тем самым активным примером, который позволяет детям ориентироваться и быть активными в обществе самим. То есть они не то, чтобы социализируются в наших проектах, они, глядя на пап, глядя на свои примеры, они сами становятся нормальными мужиками, которые в дальнейшем создают семьи (44 года, воспитывает четверых детей в полной первобрачной семье).

Материалы интервью показали, что информированность мужчин о подобных объединениях остается на низком уровне: некоторые не знают об их существовании, многие из тех, кто о них слышал, не придавали особого значения, не знакомились с их миссией, направлениями деятельности, спецификой. Но дополнительные разъяснения и дискуссия по теме в рамках интервью вызвали интерес отцов.

Я, конечно, знаю, чем они занимаются. Может, не все из этого нужно, но дела хорошие... Не знаю, если бы было в сутках 36 часов, может, я бы, не задумываясь, присоединился... Мужики там нормальные (36 лет, воспитывает двоих детей в полной первобрачной семье).

При этом государственная поддержка подобных гражданских инициатив, включение их в политическую повестку (информационная, материально-техническая, грантовая и иные формы ресурсной поддержки) подтверждают понимание актуальности и значимости проблемы на высшем уровне, постепенную диверсификацию семейной политики, конструирование социального и государственного запроса на активизацию субъектности отцовства.

Профессиональная занятость имеет для отцов большое символическое и практическое значение. Она формирует их повседневность, обеспечивает доход. Выходные традиционно считаются «семейными». То есть

в организации своей жизни отцы в первую очередь отталкиваются от работы, стараясь «вписать» в свой график заботу о детях либо (чаще) откладывая ее на выходные, отпуск, праздники или полностью переложить на матерей. Так, если женщины прикладывают определенные усилия, чтобы интегрировать трудовую, домашнюю и родительскую занятость в рамках доминирующего контракта «работающая мать» (Багирова, Бледнова 2021; Здравомыслова, Темкина 2003; Тартаковская 2015; Чернова 2017), или вынуждены делать экзистенциальный выбор между публичной самореализацией и материнством, то повседневные траектории мужчин рождение ребенка почти не меняет. Хотя молодых отцов начинает тревожить конкуренция «работа vs семья».

Надо заводить семью только тогда, когда человек сформировался и в ментальном плане, и в физическом плане, и в социальном плане... Когда... может адекватно содержать, воспитывать детей. Если человек бегает на 3–4-х работах и домой приходит никакущий..., то никакого воспитания адекватного не будет (25 лет, имеет короткий опыт воспитания ребенка партнерши в сожителстве).

Могу сказать, что мало очень времени уделяю, так как работаю. Надо увлекаться хорошим хобби, которое бы приносило доход, и ты находился бы дома или в любой момент мог бы вернуться, приехать домой. Поэтому, наверное, выбрал бы более удобный график, для того чтобы чаще быть дома (30 лет, воспитывает дочь в полной перво-брачной семье).

Гендерные режимы и режимы социальной политики концептуально взаимосвязаны. Однако в рамках полученной модели позиция государства, совершенствование его политики в отношении семьи в целом и отцовства в частности является более очевидной и весомой. С одной стороны, выход отцовства на орбиту семейной и социальной политик означает его легитимацию и признание значимости роли отца в семье и обществе, содействие включению отцовства в число сфер для самореализации, с другой — развитие инфраструктуры заботы и предложение семейных услуг просто компенсируют отсутствие отца, осуществляющего интенсивную занятость вне дома.

Институциональные условия (объективно существующие барьеры и возможности реализации жизненных проектов) дифференциации (неравенства властных привилегий) и позиционирования мужчин и женщин в различных сферах жизнедеятельности общества определяют гендерный порядок. Он проявляется в различных гендерных режимах (Здравомыс-

лова, Темкина 2003) и состоит из гендерных контрактов, которые представляют собой контекстуальные шаблоны взаимодействия полов. Семья и родительство являются площадками для функционирования этих режимов и контрактов, устанавливающих правила разделения семейного труда, ресурсов и ответственности. Мужчины и женщины могут конфликтовать при распределении родительских обязанностей из-за своих гендерных ожиданий и конкурирующих представлений о семейной жизни и родительском участии.

Гендерные режимы и режимы социальной политики (макрофакторы) вплетаются во внутренние убеждения о должном, идеальном отцовстве (микрофакторы). Материалы интервью позволили выделить конструкции, характеризующие, по мнению мужчин, идеальных отцов:

— Идеальный отец сочетает роли кормильца и воспитателя, беря на себя часть домашних хлопот (= вовлеченный отец).

Успешный отец — тот, у которого хватает времени на все. То есть который может и денег в семью принести, и... внести свой вклад в воспитание ребенка, а не спрашивать у жены, почему он у нас такой вырос (29 лет, воспитывает сына в полной первоначальной семье).

Отец должен быть рядом, когда у детей возникают проблемы, он должен деньги в дом приносить и обеспечить всем, должен уметь сделать что-то по дому... чтобы помогать семье (55 лет, состоит в повторном браке, общается со взрослыми дочками после развода).

— Идеальный отец наделен особыми родительскими качествами, принимает важные решения, участвует в развитии личности ребенка (= ответственный, заботливый родитель).

Ребенок должен не бояться папу... Папа должен участвовать в жизни ребенка. Он должен сам проявлять инициативу: «Пойдем, давай, я с тобой». Заинтересовывать должен, потому что ребенок, еще не понимает, а может быть, в нем есть какой-то скрытый талант. <...> Просто должен быть папой... Когда тебя называют «отец» и «папа» или «папулечка» — это же две разные вещи (35 лет, воспитывает пасынка и дочь в сожительстве, общается с дочерью от предыдущего союза).

Заботливый, любящий... Умеющий найти компромисс и решение в сложных жизненных ситуациях. Идеальный отец должен всегда

и во всем поддерживать своего ребенка, радоваться его успехам, переживать вместе с ним важные моменты в его жизни. Главное, он должен принимать своего ребенка таким, какой он есть, и конечно же, не забывая давать правильные житейские советы (41 год, разведен, изредка контактирует с дочерью).

Отцовство — прежде всего это ответственность... Ну, как мужчина видит себя в обществе современном, так он видит и свою семью, и своих детей, и детей своей девушки, с которой он живет или встречается, или планирует семью (25 лет, имеет короткий опыт воспитания ребенка партнерши в сожительстве).

— Идеальный отец пользуется авторитетом, служит для ребенка примером (= моральный лидер).

Наверное, надо как-то устояться в жизни: зарабатывать, вести себя подобающе, расти профессионально, достигать целей. Надо, чтобы ребенок все это видел, чтобы ему было не стыдно за своего отца... чтоб с тебя ребенок мог брать пример, равнялся на тебя (41 год, воспитывает сына в длительном сожительстве).

Однозначно он должен быть примером сыну, постоянно что-то делать, постоянно что-то выдумывать, потому что без этого никак... Ребенок просто не будет развиваться, если ты не будешь развиваться вместе с ребенком (27 лет, воспитывает сына в полной первообращной семье).

Также просматривались более размытые или противоречивые категории. В частности, идеальный отец — представитель идеальной семьи (ключевым организатором которой является мать) или антипод отсутствующему отцу, т.е. присутствие отца в жизни ребенка априори делает его по крайней мере нормальным.

Однако отрицательный регистр фактора и биографические факты мужчин, к сожалению, указывают на то, что пока рассуждения об идеальном отцовстве являются скорее элементом структуры общих представлений об отцовстве, нежели ориентирами и предписаниями. Стремления к соответствию названным идеалам вызывает сомнения, разрешение которых возможно разве что в рамках дальнейшего лонгитюдного исследования. Определенная часть мужчин придерживается позиции, согласно которой для формирования образа идеального отца вполне достаточно

того, что мужчина обеспечивает семью и способен помочь в воспитании детей и хозяйстве в случае крайней необходимости.

Всегда стремиться максимально отдавать своей семье... максимально переложить на супругу обязанности материнства, и максимально возложить на себя обязанности по доходу. У меня, например, друг сказал супруге, что ей не надо работать, надо заниматься детьми (34 год, воспитывает двоих дочерей в полной первобрачной семье).

Обсуждение результатов и заключение

Отцовская вовлеченность интерпретируется как конструкт, поскольку представляет собой продукт трансформации гендерного порядка, реакцию на общественный запрос, результат дискурсивной борьбы за выработку культурно и социально приемлемых паттернов отцовства.

Авторская факторная модель вовлеченности российских отцов представлена тремя уровнями возможных предикторов, способных влиять на компоненты и/или интенсивность отцовского участия. Первая исследовательская гипотеза подтвердилась — прослеживается взаимосвязь макро- и микрофакторов, в то время как семейные детерминанты в целом более автономны. Тем не менее представляется, что именно семейные, более вариативные и гибкие, факторы в большей степени поддаются коррекции в контексте повышения уровня и качества отцовской вовлеченности.

Согласно исследованиям, градация подготовленности к отцовству (внутренне-мотивационная, культурная, экономическая, социальная) потенциально способствует более быстрой и гибкой родительской интеграции и адаптации отца (Гурко 2013). Гипотетически подготовленные отцы считают детей самоцелью и более уверенно вступают в родительство. Однако полученные данные делают это предположение состоятельным при условии наличия не только всех уровней готовности, но и быстрого погружения в родительство (с первых часов/дней жизни ребенка). Результаты нашего исследования больше согласуются с наблюдениями М. Лэма (Lamb 2000: 34–35), который выяснил, что в период новорожденности детей компетентность матерей и отцов изначально не предусматривает серьезных различий — оба могут быть подготовленными к родительству одинаково хорошо или плохо, родительские навыки приобретаются «в процессе». Просто матери погружаются «в процесс» раньше (еще в родильном доме), стремительнее (интенсифицируя развитие навыков, зачастую оставаясь с ребенком один на один в условиях продолжения отцом полной трудовой занятости) и глубже (по время- и энергозатратам), чем

отцы. Из-за различных ограничителей отцы теряют уверенность в своих родительских способностях, уступают, а матери все активнее берут на себя ответственность за детей, закрепляя этот дисбаланс. Примечательно, что работа с психологической готовностью к отцовству, по нашим данным, ведется слабо — совместная подготовка к зачатию и родам (посещение специальных курсов, поиск и чтение подходящей литературы) не пользуется популярностью (в том числе у молодых обеспеченных отцов) и, судя по всему, не считается необходимостью. Так, наша вторая исследовательская гипотеза не нашла подтверждения.

Зарубежные исследователи отмечают, что отцы могут быть вовлечены в заботу о детях и оказывать влияние на их благополучие независимо от формы организации семьи (Dyer et al. 2018). В противовес этому результаты авторского исследования подтверждают третью гипотезу — российский вариант вовлеченности зависит от структуры семьи. Она связана с одним из ключевых свойств отцовства — резидентностью как глубинным фактором реализации и/или мотивации отцовства, своеобразным регламентом отцовско-детского взаимодействия. В частности, развод на индивидуальном (в рамках конкретных личных или семейных обстоятельств, постсупружеских отношений, низкого переговорного потенциала супругов) и институциональном (отсутствие института совместной опеки, непопулярность и/или низкая развитость института семейной медиации) уровнях служит весомым фактором дестабилизации и трансформации отцовской вовлеченности.

Другие значимые особенности российской модели состоят, во-первых, в силе патриархальных установок, которые, несмотря на наличие модернизационных запросов и сдвигов, являются сквозным сюжетом в нарративах мужчин, имеющих детей. Поэтому отцовскую вовлеченность в принципе невозможно рассматривать без учета функции материального обеспечения, вокруг которой конструируется семейная и родительская идентичность мужчин. Ее успешное и беспрепятственное выполнение может служить залогом включения отца в другие сферы, связанные с непосредственным взаимодействием с ребенком.

Во-вторых, за рубежом затраты времени на отцовство снижаются по мере взросления детей, а также в связи с рождением новых детей (Сизова 2012), родительское присутствие существенно сокращается в жизни детей после их отделения и начала самостоятельной жизни. Наше исследование, проведенное качественным методом, не позволяет дать количественную оценку изменениям участия отцов в зависимости от указанных обстоятельств. Однако есть некоторые наблюдения. Российское родительство отличается пожизненным «семейным альтруизмом» и фактически

продолжается с появлением внуков. По данным интервью, отцы двоих и более детей ответственнее осознают отцовство и свою роль в жизни детей, имеют более высокую мотивацию вовлеченности. Это позитивно отражается на содержательном аспекте их участия, но необязательно способствует увеличению совместного времяпрепровождения, поскольку дети могут быть рассредоточены по разным местам проживания. Вовлеченность может распределяться неравномерно, тем более в смешанных типах семей. Взросление детей сопровождается скорее их стремлением к увеличению собственной автономии, переключению внимания на внешний мир (друзья-сверстники, увлечения, дополнительные занятия, прогулки, молодежная тусовка), изменением проявлений характера, поведения. При этом одни отцы подстраиваются под детей, стараются сблизиться, другие — отстраняются, закрепляя/увеличивая дистанцию.

Детей надо понимать... Вникать в их мир нужно. Они же не такие как мы, они другие. <...> Ну, трудновато, конечно, для наших уже устоявшихся мозгов, но приходится (43 года, дважды разведен, в новых отношениях не состоит, общается с сыном и дочерью от разных браков).

Считай, у Дашки начался переходный возраст, гулянки, а внимание к младшей перешло. <...> Хоть ничего страшного и не произошло... но просто отдалилась, у нее свой мир (46 лет, двое дочерей от разных браков, младшую воспитывает в новом браке, со старшей поддерживает отношения).

Я... всегда думал о том, чтобы предоставлять парню свободу, ведь мы сталкиваемся с вопросом доверия. Будешь запрещать — начнет скрываться. Так ребенка можно совсем запустить (41 год, воспитывает сына в длительном сожительстве).

Итак, конкретизация компонентов, факторное моделирование, выявление специфических черт российской модели — отправная точка в прокладывании мостика между теоретико-методологическим осмыслением и практико-ориентированным подходом к повышению качества отцовства. Пока можно говорить о широком разбросе в стилях отцовской вовлеченности, мозаичной форме проявления ее компонентов и разнородных факторах их стимулирования. Это должно стать предметом дополнительных исследований, сочетающих количественные и качественные методики. На наш взгляд, дальнейшее углубление в проблематику целесообразно

выстраивать вокруг типов отцовской вовлеченности. Типология актуальна в континууме плюральности и пестроты семейно-супружеско-родительского ландшафта и несоответствия поведения многих отцов установленным критериям вовлеченности.

Измерение и интерпретация факторов позволяют утверждать, что факторы с отрицательным регистром (негативный/минимальный или отсутствующий эффект на вовлеченность) обладают потенциалом конвертации на положительные при введении других переменных. В работе над повышением отцовской субъектности, удовлетворенности отцовством, ценности родительства для мужчин положительную роль могут сыграть отцовские общественные организации и усиление идеологического, информационно-пропагандистского направления семейной политики в части трансляции и закрепления в общественном сознании новых смыслов и образов отцовства, например через обязательные программы совместной подготовки супругов/партнеров к деторождению, тиражирование позитивных практик отцовства лидерами общественного мнения, поощрение работодателей, предоставляющих работникам-мужчинам отцовский отпуск и включающих семейные мероприятия в корпоративную культуру компаний.

Выражение благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента РФ для молодых кандидатов наук, проект МК-641.2021.2.

Литература

Авдеева А.В. (2012) «Вовлеченное отцовство» в современной России: стратегии участия в уходе за детьми. *Социологические исследования*, 11: 95–104.

Багирова А.П., Бледнова Н.Д. (2021) Совмещение профессионального и родительского труда в оценках уральских женщин: объективные и субъективные барьеры. *Женщина в российском обществе*, S: 150–167.

Безрукова О.Н., Самойлова В.А. (2020) «Она не мать совсем...»: образы бывших жен в дискурсе разведенных молодых отцов. *Социологические исследования*, 12: 116–127.

Борисенко Ю.В. (2018) Особенности ценностного отношения к отцовству детей вовлеченных и невовлеченных отцов. *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология*, 24: 23–33.

Борисова О.Н. (2017) Отцовская вовлеченность: индивидуальные и межстрановые различия. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 6(142): 263–286.

Гурко Т.А. (2013) Отцовство в молодых семьях и после развода. Гурко Т.А. (ред.) *Актуальные проблемы родительства в России*. М.: Институт социологии РАН: 52–72.

Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. (2003) Государственное конструирование гендера в советском обществе. *Журнал исследований социальной политики*, 1(3/4): 299–321.

Иванова Е.А. (2017) «Я себя не отношу к хорошим папам, в лучшем случае, к нормальным»: как российские мужчины конструируют образ «хорошего отца» после развода. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 20(5): 132–150.

Подкладова Т.Д. (2016) Мужчина-отец в семье и обществе: вовлеченность vs исключенность. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, 1(33): 107–112.

Рождественская Е.Ю. (2020) Вовлеченное отцовство, заботливая маскулинность. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 5: 155–185.

Сизова И.Л. (2012) «Новое отцовство» в свете традиций и инноваций семейной политики в Европе. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 15(1): 86–102.

Тартаковская И.Н. (2015) Воспроизводство гендерного порядка через карьерные стратегии: попытка интерсекционального анализа. *Социологические исследования*, 5: 84–93.

Чернова Ж.В. (2017) Рабочее место, дружественное семье: политические инициативы, позиция работодателя и типы поддержки работников с семейными обязанностями. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 20(1): 93–113.

Чернова Ж.В. (2018) Репрезентации отцовства: социологический анализ блогов. *Интеракция. Интервью. Интерпретация*, 10(15): 6–23.

Шевченко И.О. (2015) Ситуация после развода: отцы и дети. *Социологические исследования*, 3(371): 70–77.

Янак А.Л. (2018) Отцовская вовлеченность в семьях различных типов. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*, 2(50): 124–131.

Янак А.Л. (2021) Типология немодального родительства. *Теория и практика общественного развития*, 9(163): 25–31.

Carlson M. (2006). Family structure, father involvement, and adolescent behavioral outcomes. *Journal of Marriage and Family*, 68: 137–154.

Charles P., Spielfogel J., Gorman-Smith D., Schoeny M., Henry D., Tolan P. (2018) Disagreement in parental reports of father involvement. *Journal of Family Issues*, 39(2): 328–351.

Doucet A. (2009) Dad and baby in the first year: Gendered responsibilities and embodiment. *Annals of the American Academy of Political and Social Sciences*, 624: 78–98.

Doucet A. (2020) Father Involvement, Care and breadwinning: Genealogies of concepts and revised conceptual narratives. *Genealogy*, 4(1): 1–17.

Dyer W., Kauffman R., Fagan J., Pearson J., Cabrera N. (2018) Measures of Father Engagement for Nonresident Fathers. *Family Relations: An Interdisciplinary Journal of Applied Family Studies*, 67(3): 381–398.

Fagan J., Palkovitz R. (2007) Unmarried, Nonresident Fathers' Involvement With Their Infants: A Risk and Resilience Perspective. *Journal of Family Psychology*, 21(3): 479–489.

Hofferth S., Pleck J., Goldscheider F., Curtin S. (2013) Family Structure and Men's Motivation for Parenthood in the United States. In: Cabrera N., Tamis-Lemona C. (eds). *Handbook of Father Involvement: Multidisciplinary Perspectives*. N.Y.: Routledge: 57–80.

Karberg E., Aldoney D., Cabrera N. (2017) Fatherhood in America: The Context, Practice, and Gaps in Responsible Fatherhood Programs. In: Mazza C., Perry A. (eds). *Fatherhood in America: Social work perspectives on a changing society*. Illinois: Charles C. Thomas Publishing: 302–352.

Lamb M. (2000) The History of Research on Father Involvement. *Marriage & Family Review*, 29(2–3): 23–42.

Lipasova A. (2016) Fatherhood Models in Middle Class of Contemporary Russia. *Russian Sociological Review*, 15(4): 202–214.

Marks L., Palkovitz R. (2004) American Fatherhood Types: the Good, the Bad, and the Uninterested. *Fathering*, 2, 113–129.

Marsiglio W., Day R., Lamb M. (2000) Exploring Fatherhood Diversity. *Marriage & Family Review*, 29(4): 269–293.

Pleck J. (1997) Paternal involvement: Levels, Sources, and Consequences. In: M.E. Lamb (eds). *The role of the father in child development*. N.Y.: John Wiley and Sons Inc: 66–103.

Pleck J. (2010) Paternal involvement: Revised Conceptualization and Theoretical Linkages with Child Outcomes. In M. Lamb (eds). *The role of the father in child development*. N.Y.: John Wiley & Sons Inc: 58–93.

Pleck J., Hofferth S. (2008) Mother Involvement as an Influence on Father Involvement with Early Adolescents. *Fathering*, 6(3): 267–286.

A FACTORIAL MODEL OF PATERNAL INVOLVEMENT

Alina Yanak (alinayanak91@yandex.ru)

Lobachevsky University, Nizhny Novgorod, Russia

Citation: Yanak A. (2022) Faktornaya model ottsovskoy vovlechenosti [A factorial model of paternal involvement]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 25(4): 140–176 (in Russian).
<https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.4.6>

Abstract. Increased father engagement in childcare, their motivation, problem and conflicts resolution, formation of father-child attachment are the needs of modern families. The spread of involved fathering practices indicates its acceptance by men. The article uses information from scientific sources to describe the evolution of the criteria and components (manifestation and measured parameters of paternal participation) of paternal involvement model. A theoretical framework consists of paternal involvement concept, developed by M. Lamb, R. Palkovitz, J. Pleck et al. The authors present the primary criteria (engagement, accessibility, responsibility) and auxiliary domains (indirect care, process responsibility, responsiveness and warmth, control) of involvement. We determined methodological gaps, contradictions and empirical limitations of the model. The results of content analysis and factor analysis of interview with fathers present a factor model of paternal involvement. Involvement factors are systematized and grouped into micro- (socio-demographic and socio-cultural characteristics, readiness for fatherhood, attitude towards children, moral guidelines, relations with parents and siblings), meso- (family and childhood structure, distribution of family and parental responsibilities, participation of grandparents, marital relations, pre-divorce and post-divorce situations) and macro-levels (parental associations and family policy, organization of employment, discursive prescriptions of female and male parental roles, men's ideas about good fatherhood). We explain the significance of positive and negative factors, emphasize the specificity of the Russian paternal involvement model, and call for further research on the problem.

Keywords: non-modal parenting, paternal involvement, components of paternal involvement, factors of paternal involvement, factorial model.

Acknowledgements.

The study was funded by grant from the President of the Russian Federation to young Candidates of Sciences, research project no. MK-641.2021.2.

References

Avdeeva A. (2012) «Vovlechennoye ottsovstvo» v sovremennoy Rossii: strategii uchastiya v ukhode za det'mi ["Involved fatherhood" in modern Russia: strategies for participation in childcare]. *Sotsiologicheskkiye issledovaniya* [Sociological Studies], 11: 95–104 (in Russian).

Bagirova A., Blednova N. (2021) Sovmeshcheniye professional'nogo i roditel'skogo truda v otsenkakh ural'skikh zhenshchin [Combination of professional and parental labor in assessments of ural women: objective and subjective barriers: ob'yektivnyye i sub'yektivnyye bar'yery]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve* [Woman in Russian Society], S: 150–167 (in Russian).

Bezrukova O., Samoïlova V. (2020) «Ona ne mat' sovsem...»: obrazy byvshikh zhen v diskurse razvedennykh molodykh ottsov ["She is no mother at all": images of ex-wives in the discourse of young fathers]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 8: 116–127 (in Russian).

Borisenko Yu. (2018) Osobennosti tsennostnogo otnosheniya k ottsovstvu detey vovlechennykh i ne vovlechennykh ottsov [Specificity of value attitude towards

paternity of children of engaged and non-engaged fathers]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya* [The bulletin of Irkutsk state university. Series. Psychology], 24: 23–33 (in Russian).

Borisova O. (2017) Otvovskaya vovlechennost': individual'nyye i mezhranovyye razlichiya [Father's involvement: individual and cross-country differences]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 6: 260–283 (in Russian).

Carlson M. (2006). Family structure, father involvement, and adolescent behavioral outcomes. *Journal of Marriage and Family*, 68: 137–154.

Charles P., Spielfogel J., Gorman-Smith D., Schoeny M., Henry D., Tolan P. (2018) Disagreement in parental reports of father involvement. *Journal of Family Issues*, 39(2): 328–351.

Chernova Zh. (2017) Rabochee mesto, druzhestvennoe sem'e: politicheskie initsiativy, pozitsiya rabotodatelia i tipy podderzhki rabotnikov s semeinymi obiazannostyami [A family-friendly workplace: political initiatives, the position of the employer, and types of support for workers with family responsibilities]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 20(1): 93–113 (in Russian).

Chernova Zh. (2018) Reprezentatsii otsovstva: sotsiologicheskii analiz blogov [Representation of Fatherhood: Blogs' Sociological Analysis]. *Interaktsiya. Interv'yuu. Interpretatsiya* [Interaction. Interview. Interpretation], 15: 6–23 (in Russian).

Doucet A. (2009) Dad and baby in the first year: Gendered responsibilities and embodiment. *Annals of the American Academy of Political and Social Sciences*, 624: 78–98.

Doucet A. (2020) Father Involvement, Care and breadwinning: Genealogies of concepts and revisioned conceptual narratives. *Genealogy*, 4(1): 1–17.

Dyer W., Kauffman R., Fagan J., Pearson J., Cabrera N. (2018) Measures of Father Engagement for Nonresident Fathers. *Family Relations: An Interdisciplinary Journal of Applied Family Studies*, 67(3): 381–398.

Fagan J., Palkovitz R. (2007) Unmarried, Nonresident Fathers' Involvement With Their Infants: A Risk and Resilience Perspective. *Journal of Family Psychology*, 21(3): 479–489.

Gurko T. (2013) Otcovstvovmolodyhsem'yahiposlerazvoda [Fathering in young families and after divorce]. In: Gurko T.A. (eds). *Aktual'nye problemy roditel'stva v Rossii*. Moscow: Institute Sociologii RAN: 52–72.

Hofferth S., Pleck J., Goldscheider F., Curtin S. (2013) Family Structure and Men's Motivation for Parenthood in the United States. In: Cabrera N., Tamis-LeMona C. (eds). *Handbook of Father Involvement: Multidisciplinary Perspectives*. New York: Routledge: 57–80.

Ivanova E. (2017) “Ya sebya ne otnoshu k khoroshim papam, v luchshem sluchaye, k normal'nyim”: kak rossiyskiye muzhchiny konstruiruyut obraz “khoroshego

otsta” после развода [“I don’t Consider Myself a Good Dad, at Best, an Average One”: How Russian Men Construct the Image of a “Good Father” after Divorce]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 20(5): 132–150 (in Russian).

Karberg E., Aldoney D., Cabrera N. (2017) Fatherhood in America: The Context, Practice, and Gaps in Responsible Fatherhood Programs. In: Mazza C., Perry A. (eds). *Fatherhood in America: Social work perspectives on a changing society*. Illinois: Charles C. Thomas Publishing: 302–352.

Lamb M. (2000) The History of Research on Father Involvement. *Marriage & Family Review*, 29(2–3): 23–42.

Lipasova A. (2016) Fatherhood Models in Middle Class of Contemporary Russia. *Russian Sociological Review*, 15(4): 202–214.

Marks L., Palkovitz R. (2004) American Fatherhood Types: the Good, the Bad, and the Uninterested. *Fathering*, 2, 113–129.

Marsiglio W., Day R., Lamb M. (2000) Exploring Fatherhood Diversity. *Marriage & Family Review*, 29(4): 269–293.

Pleck J. (1997) Paternal involvement: Levels, Sources, and Consequences. In: M.E. Lamb (eds). *The role of the father in child development*. New York: John Wiley and Sons Inc: 66–103.

Pleck J. (2010) Paternal involvement: Revised Conceptualization and Theoretical Linkages with Child Outcomes. In: M.E. Lamb (eds). *The role of the father in child development*. New York: John Wiley & Sons Inc: 58–93.

Pleck J., Hofferth S. (2008) Mother Involvement as an Influence on Father Involvement with Early Adolescents. *Fathering*, 6(3): 267–286.

Podkladova T. (2016) Muzhchina-otec v sem’i i obshchestve: вовлеченность vs. исклуженность [The male father in family and society: involvement vs. exclusion]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sociologija. Politologija* [Vestnik of the Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science], 1(33): 107–112 (In Russian).

Rozhdestvenskaya E. (2020) Vovlechennoye ottsovstvo, zabotlivaya maskulinnost’ [Involved Fatherhood, Caring Masculinity]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial’nyye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 5: 155–185 (in Russian).

Sizova I. «Novoye ottsovstvo» v svete traditsiy i innovatsiy semeynoy politiki v Yevrope [“The New Fatherhood” in the Context of the Family Policy Traditions and Innovations in Europe]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 2012: 60 (1): 86–103 (in Russian).

Shevchenko I. (2015) Situatsiya после развода: ottsy i deti [After Divorce: Fathers and Children]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 3: 70–77 (in Russian).

Tartakovskaia I.N. (2015) Vosпроизводство gendernogo poriadka cherez kar’ernye strategii: popytka interseksional’nogo analiza [Reproduction of gender

order through career strategies: an attempt of intersectional analysis]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 5: 84–93 (in Russian).

Yanak A. (2018) Otsovskaya вовлеченност' v sem'yakh razlichnykh tipov. [Father Involvement in Different Types of Family]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nyye nauki* [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. Social Sciences], 2(50): 124–131 (in Russian).

Yanak A. (2021) Tipologiya nemodal'nogo roditel'stva [Typology of non-modal parenthood]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development], 9(163): 25–31 (in Russian).

Zdravomyslova E., Temkina A. (2003) Gosudarstvennoe konstruirovaniye gendera v sovetskom obshchestve [State construction of gender in Soviet society]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 1(3–4): 299–321.